

Lav

Лин Си Ён

Найди меня в сердце ночи, Канокко

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С34

Иллюстрация на обложке *Екатерины Климовой*
Дизайн обложки и полусупера *Вероники Мухановой*

Си Ён Лин.

С34 Найди меня в сердце ночи, Каноко / Си Ён Лин. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 272 с. — (LAV. Азия).

ISBN 978-5-17-176085-4

Жизнь Каноко разрушена — после аварии она целыми днями играет в приставку и не собирается выходить из комнаты в доме родителей.

Но когда ёкаи нападают на красавчика Казуо, ей приходится вмешаться.

И тогда рождается Босохима — Принцесса байкеров, новая легенда уличных банд Токио, которой предстоит защитить своего прекрасного принца.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-176085-4

© Си Ён Лин, текст
© В оформлении использованы материалы
по лицензиям © shutterstock.com
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2025

1P

HIGH SCORE

2P

START NEW GAME

PRESS START BUTTON...

CREDIT 01

В тени высоких, заросших мхом скал, где древние деревья шептались о давно минувших временах, встретились два могучих существа. Огромный, смертоносный дракон с завораживающе-розовой чешуей и бронированным гребнем. И девочка. Довольно миленькая, кстати.

— Тебе не победить, — из ноздрей дракона вырвался ядовитый пар. — Я не был бы Великим драконом Пещеры светлячков, если бы какая-то жалкая малявка вроде тебя могла со мной разделаться!

— Великий дракон Равнины говорил мне так же.

Девочка передернула плечами, перехватила резинкой розовые — почти тон в тон с чешуей дракона, вот совпадение-то! — волосы и вынула из ножен меч. Нет, она все же слишком устала. Надо больше себя жалеть. Решено, этот дракон — последняя ее задача на ближайшую неделю. Собе-

рет его сокровища, продаст Ёхею — и все! Купальни, лавки с безделушками, дрема в теньке и, может быть, изредка — варка зелий.

— Я не этот слабак! Я старше на целую сотню лет!

Пещера была слишком узкой для того, чтобы у дракона получилось расправить крылья, но вот грозно топорщить их ничего не мешало. Еще бы это кого-то пугало.

— А мне девятнадцать.

— Молодые мягкие косточки! Из тебя получится нежный десерт.

Битва началась почти внезапно. Дракон рванулся вперед с неожиданной быстротой, выпустив столп ядовитого огня.

Каноко застыла на месте. Знала она этот фокус. Сам огонь ее доспехи отразят с легкостью, но стоит шевельнуться — надышится ядовитых паров. И все, пиши пропало.

Дракон замер. Из-за густой взвеси — каменная крошка и пепел — было не видно, достигла ли его атака цели. Каноко такие мелочи помешать не могли, разглядеть тушу дракона она могла и сквозь толщу камня. Мгновение стоило использовать, и она ринулась в контратаку: оттолкнулась каблуком от стены пещеры, завела меч за спину, увеличивая амплитуду, и внезапно появилась прямо перед носом дракона.

Один резкий удар — и исход битвы предрешен. Почти. Снова почти. Крокодил-переросток успел широко открыть пасть, обнажая подозрительно желтые клыки. На них-то Каноко чуть и не упала — пришлось тратить заряд телепорта и возвращаться обратно к стене пещеры.

— Куда же ты? Ведь так хотела попасть прямо в глотку!

Смех у дракона оказался грудной, низкий.

Нет, никаких больше прямых атак. Иначе она действительно станет десертом. А возрождаться потом — такое муторное дело, что челюсть сводит от одних воспоминаний. Лучше уж действовать по старинке. Измотать, запутать, дожидаться, пока преимущество будет явно на ее стороне.

Дракон мощно, не сдерживаясь, хлестнул хвостом. С толка пещеры посыпались сталактиты. Он едва не сбил ее

с ног! Каноко подпрыгнула, отталкиваясь от пола столь чудесно пружинящими каблуками, и в последний момент избежала удара. Еще секунда — и контратака достигла хвоста чудища.

Дракон взвыл от боли и ярости. Хвост забился об пол и стены, крылья замерли полураскрытые, и вой перешел в надрывный рык.

Каноко приготовилась. Она была словно вода, текучая и непредсказуемая, и в то же время как огонь — неуловимая и смертельная. Магия хлынула в меч. Дракон видел это, чувствовал каждой розовой чешуйкой, но поделать ничего не мог.

— Я все равно заберу тебя с собой! И после смерти мы продолжим наш бой!

«А вот пасть открывать не стоило», — Каноко замахнулась, кончиком лезвия намечая траекторию удара.

— Извини, другие планы. Уже столик на ужин заказала.

Вскочила на морду дракона — прямо между ноздрей — и, собрав в едином ударе всю магическую силу и мастерство, погрузила меч в кристалл на лбу чудища. Морда под каблуками завибрировала в предсмертных мучениях — и истаяла, развеявшись клубами розового дыма.

Каноко, тяжело дыша, стояла посреди пещеры совершенно одна, и лишь подпалины на доспехах выдавали, что совсем недавно где-то здесь находился дракон. Ну, и гора сокровищ в дальнем углу. Куда же без нее.

— И все? — спросила она, хотя рядом не было никого, кто пожелал бы ответить.

Оглядевшись по сторонам и убедившись, что опасность окончательно миновала, Каноко самодовольно улыбнулась. Усталость никуда не делась, но как же приятно было лицезреть плод своих усилий. Это сражение станет легендой, местные будут пересказывать истории о нем из поколения в поколение, а ее имя навечно останется в анналах истории как символ несокрушимой силы и непоколебимой храбрости. «Каноко, великая победительница драконов» — так назовут ее жители близлежащей деревушки. Они обещали.

— Ты победила! — Широ даже заплодировал, стоило ей выйти из пещеры на солнечный свет. — Или это превратившийся дракон?

— Это все еще я, не надейся.

— Да здравствует Каноко-кун, великая победительница драконов! — Он засмеялся и запрыгал как ребенок, и ей оставалось лишь не морщиться от боли в пострадавшей ноге, чтобы не портить момент собственного триумфа.

Она хотела нащупать в сумке сменную батарею для телепорта, заменить аккумулятор и наконец переместиться в горod, но перед глазами вдруг потемнело.

Экран неожиданно потух. Контроллеры, до того утробно вибрировавшие и послушно отзывавшиеся на каждое ее движение, прекратили ласково подмигивать и остались лежать в руках кусками мертвого пластика.

Глаза болели от перенапряжения. Пальцы едва разгибались: сказывалась усталость от длительной игры, — а спина вспотела. Не надо было прятаться под толстым одеялом, наверно. Каноко едва-едва высунула руку, дотянулась до края заваленного хламом стола и пристроила на него консоль.

Ногу прошила резкая боль. Пришлось закрыть глаза. Руки не держали, она рухнула на подушку и накрылась одеялом с головой.

— ...Ну и она, в общем, говорит ему: «Что, хочешь?»

— И он?

— Ну а ты как думаешь! — Сакура усмехнулась и посмотрела на Каноко.

По коридору мимо них пробежали Миядзава и Судзуки. Неужели уже тренировка начинается? Каноко взглянула

на наручные часы. До времени, назначенного тренером, оставалось еще пять минут.

— Ладно, хватит. Сама поиграю и потом уже, — сказала Канoko, поднимаясь с лавки. — Пойдем лучше, а то снова орать будет, что мы самые последние.

— Я где-то уже это слышала. Поиграет она. Я тебе «Капризы апельсиновой улицы» месяца два назад дала и уверена, что ты вообще еще ничего не прочитала.

Продолжая ворчать, Сакура наконец забрала кофту — в ноябре в школе было прохладно — и вышла из раздевалки. Там они прятались как раз из-за мороза. Стоять в перерыв вместе со всеми вокруг обогревателя не хотелось, переодеться из спортивной формы на пятнадцать минут — тоже. В крошечной же комнатке с лавками и крючками не было даже намека на вентиляцию, и два человека, хорошенько подышав, легко генерировали там вполне приемлемую для жизнедеятельности температуру.

— Шевелитесь быстрее, тренер уже про вас спрашивала! — крикнула из-за угла Такахаша Юзуки, однофамилица Канoko.

— Скажи — через секунду.

Канoko сунула бутылку с водой в рюкзак, прихватила ленту и наконец вошла в зал.

Там уже царила «атмосфера». Густой, настоявшийся запах пота принимал в свои объятия каждого, кто решался зайти из общеобразовательной части школы в крыло клубов — спортивных в основном. Японская спортивная старшая школа Окинавы хоть и не была настолько известна, как всякие выскочки из Йокогамы, зато специализировалась не только на бейсболе, но и на художественной гимнастике с фигурным катанием.

Канoko жила на Окинаве уже четыре года: уехала от родителей еще в средней школе, а сейчас заканчивала второй класс старшей. Где-то глубоко в груди становилось тяжело и больно, стоило подумать о приближающемся выпускном. Утешали лишь мысли о том, что впереди еще целый год. Она успеет насладиться жизнью.

— Тренер, не сердитесь, — голос Сакуры казался на тон выше, чем обычно. Магия, не иначе.

Каноко встрепенулась, отвлеклась от мыслей и тут же умильно улыбнулась.

— Мы не опоздали. — Она показала на часы. — Пять ровно, как вы и говорили, Сато-сенсей.

— Я и не говорю, что вы опоздали. — Тренер смутилась бы, если бы умела. — Каноко, я хотела с тобой поговорить до тренировки: префектура устраивает соревнования среди юниоров. Но сейчас уже времени нет, подойдешь тогда после. Надо будет документы подписать.

Каноко излишне старательно кивнула, а Сакура уже дергала ее за руку. Победный танец чемпионки они сумели исполнить за то мгновение, пока Сато-сенсей отвернулась, созывая всех к станку. Каноко чуть не прыгала от радости. Префектура устраивает соревнования! Какая безупречно отточенная формулировка, тренер! И кого вы пытаетесь обмануть? Да тут даже первоклассницы знают, что сейчас префектура только одни соревнования устраивает: Весенний чемпионат! И ее, Такахашу Каноко, туда берут!

К станку она бежала вприпрыжку. Берегитесь, мышцы, сейчас вы будете страдать во имя великого будущего вашей хозяйки!

А Сато-сенсей уже диктовала:

— Раз, два, три... И четыре, задержали в верхней точке. Судзуки, выпрямись! Должна быть как стрела, а ты вся скобочилась.

Каноко считала про себя, изо всех сил сжимая носок. Как же хорошо, что нога не болит. Эта боль уже выжала из нее все соки. Даже ходить нормально не получалось, а тут она спокойно держит ногу в верхней точке гранд батман.

Кстати, а почему не болит нога? Стоило подумать об этом, как боль тут же вернулась. Перед глазами помутилось.

Где-то впереди послышался мужской смех. «Ты такая трусиха, Каноко-тян!» В лицо хлестнул ветер — холодный, океанический. Конечно, они ведь мчались вдоль бере-

га. «Держись крепче». Не удержалась. И он не удержался. В темноте ночи мелькали огни, кто-то что-то говорил, но она запомнила только запах. Пахло жженым мясом.

— Клянусь, я разобью эту твою игрушку.

Разлепить глаза было почти так же сложно, как в больнице после аварии. В том, почему ей снятся кошмары, маме она так и не призналась.

— Что-то случилось? — В горле пересохло, и слова вырывались нехотя, будто шуршанием наждачки о дерево.

«Ты кричала во сне».

— Ты кричала во сне. — Мама стояла совсем близко к кровати, одеяло свешивалось и касалось ее ноги. — Каноко, сколько можно? Сначала в приставку полночи играешь, а потом снятся всякие ужасы. Самой не надоело?

— Не надоело.

— Так и будешь здесь лежать?

Отвечать она не стала. Да мама уже, похоже, и не надеялась. Это вначале лекция на тему «Каноко, ты должна выходить на улицу, радоваться жизни и поступить в институт» затягивалась на полчаса минимум. Прошло не так уж и много времени — и всем почти надоело. Кажется, она уже стала привидением родного дома. Наконец-то.

— Это, — мама двумя пальцами, будто что-то давно стухшее и покрывшееся плесенью, подцепила портативную консоль, — я у тебя изымаю. Захочешь получить обратно, спустишься в гостиную. Харухи поздравит.

— С чем? — Каноко даже приподнялась на локтях от удивления.

— У твоего брата сегодня день рождения, если ты забыла. Поэтому будь, пожалуйста, в приличном виде.

Развернувшись, мама вышла, принципиально не став выключать свет и закрывать дверь. Это была их маленькая война: стоило Каноко идеально настроить микрокли-

мат, как мать врывалась в комнату с идеей проветрить «эту твою затхлость». Хорошо, что до выключателя и ручки удавалось дотянуться здоровой ногой и встать с кровати не пришлось.

В комнате царила приятная душе тьма, нарушаемая лишь мерцанием огоньков на новеньком двухкассетном магнитофоне и белесом табло электронных часов. Семь вечера. Через четыре часа в их префектуре выключают фонари — можно будет открыть занавески. Каноко поправила сдвинутый мамой компьютерный стул, — на него грудой были свалены коробки от картриджей, — и нажала play на магнитофоне. Тот сначала захрипел, но все же сосредоточился на одной бесконечной сити-поп мелодии, которая, не замолкая, играла уже больше недели. Слушать ее никто и не собирался, но она отлично заглушала внешние звуки.

Иллюзия изолированного мира восстановлена.

В комнате было почти идеально: Каноко дотянулась до подоконника и отдернула занавеску. Потерла лицо, порадовалась, что больше не красится. Жжение в глазах от слишком яркого света снаружи никуда не исчезло, но появилась растерянность: какое сегодня число? Она звонила Сакуре позавчера. Хотела спросить, что говорила по поводу нее Са-то-сенсей, но Сакура тогда так и не ответила. Каноко повернула голову в сторону двери: основной телефон в гостиной, еще папин у него в кабинете.

Можно было бы сходить, попробовать позвонить еще раз. Ногу обожгло болью — и Каноко уткнулась носом в подушку. Внизу тоже кто-то шумел.

А, у Харухи же день рождения. А она еще спрашивала, какое сегодня число. Уже двадцатое марта, значит, в школе скоро начнутся весенние каникулы. Получается, почти год, как она закончила учиться. И два года с аварии.

Хината был на два года старше: студент Тодая, на каникулы вернувшийся к родителям на Окинаву. Каноко готовилась к Весеннему чемпионату с утра до ночи. Еще бы, это ведь шанс войти в национальную сборную. Когда в тот вечер Сакура предложила чуть-чуть отдохнуть, она сначала отпи-

ралась: драгоценное время можно было потратить с пользой. И согласилась, лишь узнав, что они пойдут в бар. Совсем как взрослые.

Лучше бы дома сидела.

Каноко до сих пор не знала, чем ему понравилась, но понравилась однозначно: по мальчишкам это сразу видно. Весь вечер вокруг вился, а потом предложил прокатить вдоль берега на мотоцикле. Они врезались в дорожное ограждение.

И все: ни Весеннего чемпионата, ни Тодая, ни последнего учебного года с выпускным, ни отдыха с родителями и возвращения в Токио. Когда директриса, складывая руки перед грудью, объясняла родителям, что школу Каноко лучше закончить на домашнем обучении, она чуть не плакала. Готова была на коленях стоять, вымаливая возможность остаться. А увидев поляроиды с выпускного подруг, радовалась, что вернулась в родной дом в получасе езды от столицы. Будь на Окинаве вместе со всеми, не выдержала бы собственной убогости.

Врачи оказались категоричны: со спортом придется закончить. Кости срослись, но давать на них большую нагрузку не стоило, как и на разодранные мышцы и растянутые связки. Потом, уже в родной больнице, ей рекомендовали умеренные физические нагрузки, чтобы снова привыкнуть ходить. Сами бы попробовали! Нога, с точки зрения врачей совершенно здоровая, болела так, что Каноко стоять не могла.

Вот только ей никто не верил! А последний врач вообще посоветовал посетить психолога. Как будто она какая-то сумасшедшая, чертиков видит и на людей кидается! «Резкая смена жизненных обстоятельств», видите ли.

Хотя, строго говоря, ёкаев она действительно видит.

Тишина, которая наступила после, была густой и почти осязаемой. В упавшем на комнату безмолвии звуки улицы — плеск воды в ближайшей реке и праздника: голоса брата и его друзей — казались раздражающе громкими.

Семья собиралась праздновать день рождения. Смех, разговоры, звон посуды — все напомнило о том, что жизнь

